

Лидия Чарская

Первый день

Лидия Чарская

Первый день

«Public Domain»

1912

Чарская Л. А.

Первый день / Л. А. Чарская — «Public Domain», 1912

Маленькая особа, потирая иззябшие руки, подошла к камину, приветливо потрескивавшему своим красновато-желтым пламенем в углу, развязала вуалетку и сняла шапочку. Она оказалась совсем еще молоденькой особой, лет восемнадцати или девятнадцати на вид. И без того большие черные глаза казались огромными среди худенького бледного личика с добрым ртом, маленьким чуть вздернутым носом и целой массой густых волнистых волос. Что-то чрезвычайно милое и симпатичное было в этом юном личике с неправильными линиями и с отпечатком преждевременной заботы и грусти в глазах...

© Чарская Л. А., 1912

© Public Domain, 1912

Содержание

I	5
II	7
III	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Лидия Алексеевна Чарская

Первый день. Быль

I

Было восемь часов утра. К небольшому серому особняку, приютившемуся на одной из менее людных улиц Васильевского Острова, подкатила извозчицья коляска.

Маленькая тонкая фигурка в легкой драповой кофточке с дешевеньким мехом на шее и в старой потертой меховой шапке проворно соскочила с пролетки, отдала деньги вознице и, подхватив в руки тощий, порыжевший от времени чемодан, легко и быстро вбежав по ступенькам крылечка, позвонила у подъезда.

Прошло довольно много времени, пока эта дверь распахнулась перед вновь прибывшей, и морщинистая физиономия старого слуги, в довольно-таки сомнительном фраке, показалась на пороге.

– Вам кого? – недружелюбно глянув на маленькую особу, – осведомился тот.

– Мне?.. – Маленькая особа удивленно вскинула на вопрошавшего глаза сквозь черную вуалетку и произнесла смущенно – Мне, собственно, никого, я приехала поступать сюда на место.

– Стало быть гувернантка будете! Извините, не признал, барышня! – И вмиг за минуту до этого неприязненное лицо старика приняло доброе ласковое выражение. – Пожалуйста, пожалуйста, барышня, небось, на дворе-то холодно нынче, застудились, поди, а у меня камин в передней топится. Пожалуйста погреться, а я тем временем вам кофе сварю. И за вещичками пошлю, кстати, дворника, на машину.

– За какими вещичками? – так и встрепелась вновь прибывшая, и тут же, поняв в чем дело, отрывисто проговорила, – Вещей у меня никаких нет. Все со мной, вот в этом чемодане. – И она, не без некоторого достоинства, качнула головкой в сторону своего несложного багажа, которым уже завладел старый Гаврила, – так звали лакея.

«Ишь ты, бедняжка, и одета плохо и вещей нет», – мысленно произнес старик и, еще более ласково глянув на вновь прибывшую, метнулся куда-то не выпуская из рук её чемодана.

На пороге передней, куда он провел молодую особу, Гаврила остановился и произнес, почему то, шепотом:

– А наши еще спят. И барышни и генеральша. У нас раньше как к двенадцати не встают.

– А как же с уроками-то? – удивилась приезжая.

– Уроки-то? Какие же уроки, когда учиться-то не с кем. Ведь уж больше двух месяцев как отошла от нас Розалия Павловна, а новую-то, вас, значит, не поторопились пригласить. Вот и избаловались-то на безделье наши попрыгуны. Да вы не бойтесь, барышня, Бог не без милости; они у нас не злые – и Павла Александровна и Валерия Александровна, а только с ленцой, конечно, потому от самой мамашеньки превозвышены очень.

И, совсем уже шепотом, dokonчив последнюю фразу, старый слуга скрылся, оставив приезжую одну.

Маленькая особа, потирая иззябшие руки, подошла к камину, приветливо потрескивавшему своим красновато-желтым пламенем в углу, развязала вуалетку и сняла шапочку.

Она оказалась совсем еще молоденькой особой, лет восемнадцати или девятнадцати на вид. И без того большие черные глаза казались огромными среди худенького бледного личика с добрым ртом, маленьким чуть вздернутым носом и целой массой густых волнистых

волос. Что-то чрезвычайно милое и симпатичное было в этом юном личике с неправильными линиями и с отпечатком преждевременной заботы и грусти в глазах.

И сейчас, упорно устремленные в ярко горящее пламя камина, глаза отражали целую повесть юной души.

II

Дарья Васильевна Гурьева была дочерью простого крестьянина, жившего в небольшом селе под Москвой. Уже с детских лет маленькая Даша отличалась большой сметливостью и способностью к науке. В сельской школе она считалась одной из лучших учениц и учительница Марья Петровна не могла нахвалиться на свою Дашеньку.

Немудрено поэтому, что по окончании школы, добрая, отзывчивая девушка приняла горячее участие в судьбе Даши и приложила все свои старания, чтобы устроить эту судьбу.

Сам Гурьев был умный и дальновидный мужик и отлично понял, что его маленькая Дашутка из ряда вон выходящая натура и что не надо поэтому перечить доброй «учительше» заниматься его девочкой.

И добрая «учительша» устроила Дашу. Прежде всего она послала ее в губернский город, где сестра её состояла преподавательницей женской гимназии.

У этой-то сестры и стала жить Даша, постепенно подготавливаемая ею к первому классу гимназии.

А через восемь лет, девятнадцатилетняя Дарья Гурьева с золотой медалью кончила гимназию и поступила слушательницей в педагогический институт.

Еще несколько лет тяжелой усиленной работы в Москве на курсах с ежегодными летними наездами в родное село к старикам Гурьевым, которых молодая девушка всячески ублажала и баловала из своих скудных средств (она давала постоянно уроки, чтобы иметь возможность жить и учиться в большом городе). Когда же по истечении успешных занятий на первом курсе, Даша получила стипендию, высший знак одобрения за её прилежание, эта стипендия ежемесячно отсылалась старикам Гурьевым, которые могли теперь, благодаря дочери, обзавестись несложным сельским хозяйством.

Уже будучи на последнем курсе, Даша пережила тяжелое горе. Крепкий как дуб, старик Гурьев схватил тифозную горячку и умер на руках жены.

Нечего и говорить, что Даша бросила свои занятия и уроки и помчалась хоронить отца.

После смерти хозяина, в избушке Гурьевых оставалась мать старуха, да двое малолетних ребят, брат и сестра Даши, Серега и Машутка, дети по двенадцатому и одиннадцатому году.

Теперь, когда глава семьи, единственный после Даши работник и кормилец был в могиле, молодой девушке пришлось еще тяжелее.

Вернувшись в Москву, несмотря на свое тяжелое горе, Даша должна была заканчивать нелегкий учебный год, сдавать выпускные экзамены на получение диплома и, в то же время, еще усерднее бегать по урокам для прокормления осиротевшей семьи.

Горе редко приходит одно; чаще всего оно влечет за собой и другое. Не прошло и месяца со дня смерти Василия Гурьева, как за ним последовала и его старуха.

Опять полетела, раздавленная отчаянием, Даша в свою деревню хоронить мать-старуху, продавать избу и несложный хозяйственный скarb и перевозить в Москву Сережу и Машу.

Молоденькая курсистка жила в крохотной каморке где-то на чердаке, снимая комнату у пальтовщицы. Всем троим было негде уместиться в крошечном углу Даши. К тому же, надо было устроить учиться братишку и сестренку.

И вот, Даша Гурьева снова мечется в хлопотах, бегают, просят.

С трудом удалось определить в ремесленный приют Васю и в городское профессиональное училище Машу.

Но такая перспектива далеко не удовлетворяла их старшую сестру. Молодая девушка решила, во что бы то ни стало, заняться с обоими, подготовить их хорошенько, как когда-то

готовила ее самой добрая сельская учительница, и если определить обоих не в гимназию, то хотя бы в какое-либо более скромное учебное заведение, откуда бы они могли выйти вполне подготовленными для самостоятельного заработка, людьми.

Все лето провела она над книгами, пополняя пропущенные из-за семейных несчастий занятия.

Затаив в сердце своем глубокую скорбь по умершим родителям, измученная, усталая от всего пережитого, Даша училась теперь не покладая рук, употребляя на это все свое оставшееся от беготни по урокам время.

Теперь в мыслях её была одна цель. Сколотить какие-нибудь деньжонки и устроить как можно лучше брата и сестру.

Сдав блестяще экзамены, отложенные ею в силу необходимости на следующую осень, Даша Гурьева окончила курс и могла хлопотать о месте для себя.

Последнее не замедлило явиться. Директор педагогических курсов предложил молодой Гурьевой очень подходящее место гувернантки-преподавательницы к почти взрослым барышням, дочерям действительного статского советника Сокольского.

Место это предлагалось в отъезд, в Петербург, и Даша, скрепя сердце, должна была оставить братишку и сестренку.

Устроив одну в интернате, имеющемся при школе, другого же, пока что, в ремесленном приюте, она уехала поздней глухой осенью в незнакомый, чуждый ей Петербург.

III

Пробило где-то поблизости на часах половина девятого и одновременно в переднюю просунулась уже знакомая Даше седая голова Гаврилы.

– Пожалуйте в вашу комнату, барышня, отдохнете маленько, да кофейку попьете с дороги, я вам туды и поднос отнес.

Даша не заставила себя просить вторично и, сняв свою ветхую, порыжевшую по швам жакетку, поспешно зашагала за старым слугой.

Первая комната, куда они вошли, очевидно была гостиная.

Лепные потолки, дорогие обои, вычурная печь, всюду масса ненужных и аляповатых безделушек и, не менее их, грубо намалеванных произведений никому неизвестных художников в тяжелых, кричащих рамах, висевших по стенам, гобелены, поеденные молью, ковры, потерявшие от старости свой первоначальный вид и цвет, модная, вычурная с претензией, но с выцветшей и потрепанной обивкой мебель, все это неприятно поразило с первого же взгляда Дашу.

Вторая комната удивила ее не меньше первой. Это была, по-видимому, столовая. И здесь все поражало своей крикливой, убогой роскошью. Старые, поломанные стулья чередовались с высокими кожаными табуретами. В открытом буфете была расставлена наполовину перебитая посуда. На стенах висели деревянные тарелки, резные плоды, блюда и расписные чучела гусей и фазанов. А на столе лежала грязная, порванная в нескольких местах скатерть и стоял с проломанным боком никелевый самовар.

Поймав удивленный и брезгливый взгляд девушки, устремленный на грязную скатерть и на поднос, уставленный разношерстным сервизом, Гаврила тихо усмехнулся и с легким вздохом сказал:

– Не удивляйтесь, барышня, что у нас-то не совсем того, чтобы во всем аккурате. Один я у них да Нюша, моя внучка, мне в подмогу дана, не успеваем; мы и по кухонной и по гостиной части и комнаты прибрать и состряпать что... Тут Содома-Гомора, прости Господи какая! От гостей до гостей так и живем. Зато, когда гости наезжают, совсем по другому все здесь выходит.

Но старому Гавриле не пришлось пояснить Даше, что бывает в доме Сокольских, когда наезжают гости, потому что, как раз в этот миг задребезжал электрический звонок и прокатился призывным звоном по всей квартире.

– Барин молодой проснулись! Бежать одевать их надо... Ахти беда, поднимет дым коромыслом... Опять в училище свое опоздает! Кажинный день так-то: будишь его будишь, бровью не поведет, а потом к девяти часам, глядишь, и пойдет гонка! Уж вы сами потрудитесь пройти в вашу комнату, барышня. Вот отсюда по коридору третья дверь на право. А я бегу!

Последние слова Гаврилы договорил уже на ходу и, действительно, чуть не бегом выскакивая из столовой, скрылся в прилегавшем к этой комнате темном коридоре.

Следом за ним в этот коридор вошла и Даша.

Сначала попав сюда из освещенных в это раннее утро электрическими рожками комнат, она не могла ничего различить в двух шагах от себя. Но вот забелелась какая-то дверь направо и Даша, толкнув ее, переступила порог комнаты.

Позднее ноябрьское утро слабо пробивалось сквозь палевые занавески двух окон, борясь незаметно с голубоватым светом фонарика-ночника, дававшего мягкое, как бы лунное освещение с потолка комнаты. В этой комнате царил полнейший беспорядок.

Всюду: на диванах, креслах, пуфах, обитых голубым крепом, даже на умывальнике и на туалете были разбросаны всевозможные принадлежности дамского туалета. Многие из

вещей были просто брошены на пол. Хорошенькая, обшитая кружевом, белая блузка валялась на умывальнике, свесившись одним из своих пышных рукавов в рукомойную чашку.

Одна изящная бронзовая туфелька была закинута почему-то на этажерку, тогда как другая находилась в лапах прелестного белого как снег шпица, который старательно обглаживал своими острыми зубками её высокий французский каблук.

Растерянная и смущенная Даша, при виде всей этой картины, поняла только, что она, очевидно, попала в чужую спальню и, желая, как можно скорее, исправить свою ошибку, поспешно схватилась за ручку двери.

Но тут произошло нечто совсем неожиданное.

При виде посторонней, шпиц благополучно выпустил изо рта и лап бронзовую туфельку с наполовину испачканным каблуком и, вскочив на ноги, залился бешеным лаем.

В первую минуту Даша замерла от неожиданности, потом попятилась назад к порогу двери, а шпиц все лаял, лаял выбиваясь из сил. Он то храбро подсакивал к подолу девушки, угрожая скромной черной оборке, которой было обшито её кашемировое, дешёвенькое платье, то отпрыгивал назад, не переставая браниться все время на своем непонятном собачьем языке.

Неизвестно долго или коротко продолжалась бы подобная тактика, пока ошеломленная Даша уже собиралась отступить за дверь от своего не в меру назойливого врага, как неожиданно откуда-то из за угла послышался заспанный голос:

– Кто тут? Жужу, тубо? Что это ты не даешь спать, негодная собака! Молчи сию минуту, или...

И так как «негодная собака» и не подумала исполнить отданного ей приказания, что-то темное выскочило из за угла, где стояли две совершенно одинаковые узенькие постельки, разделенные ночным столиком, и с силой ударились о пушистую белую спинку собаки.

Лай мгновенно перешел в отчаянный визг, огласивший сонную тишину дома. Жужу поднял лапку, метнулся в сторону и юркнул под диван, оставив на месте происшествия изгрызенную туфлю и высокий сапог с черной шнуровкой, – орудие наказания обиженной собачонки. Почти одновременно с этим на одной из кроватей отделилась круглая головенка, утыканная разноцветными бумажками-папилютками и заспанный голосок произнес:

– Валька, противная, как ты смеешь бить моего Жужутку!

– Сама противная! – ответила обладательница такой же точно завитой в папилютки другой головы с соседней кровати.

– Ну, уж ты бы помолчала лучше. Смеешь меня так называть! Розалия Павловна всегда говорила... – Голосок осекся, покрытый другим.

– Глупа твоя Розка Павловна! Да и нарочно она это, чтобы ты ее фотографировала из своего аппарата. А про меня папа всегда говорит, что я умница, развитая, а ты таблицы умножения не знаешь и ковер через ять пишешь.

– Не ври! Не ври! Не ври! Сама вместо дома Домна написала, все еще хохотали до колик – и Вадя и Натали!

– Глупые они все оттого и хохотали! Ошибок от невнимания не понимают.

– А ты внимательнее будь!

– А ты умнее!

– Моего ума, не бойся, и на тебя хватит!

– Очень умна, если романы из комнаты Натали таскаешь и читаешь потихоньку.

– Врешь, врешь, врешь!

– Сама врешь! Сама врунья!

Две тоненькие белые; в длинных ночных сорочках, фигуры одновременно вскочили на ноги на своих кроватях и в воинственных позах стояли друг против друга, угрожая потря-

сая завитыми на бумажках головами, точно два бодающиеся козлика, готовые сцепиться рогами.

Даша, изумленная, смущенная от всего происходившего перед её глазами, бросилась между кроватями, встала между девочками, заслоняя одну от другой своим собственным худеньким телом. Последние только сейчас заметили ее и, неистово взвизгнув, бросились под одеяла, проворно закрылись ими с головами, оставив на свободе одни только раскрасневшиеся, взволнованные мордашки.

– Ай, ай! Чужая!

– Уйдите, пожалуйста! Мы не одеты!

– Как вы попали сюда в нашу комнату?

– Вы новая гувернантка? Да?

– М-lle Гурьева? – пищали они на разные голоса, стараясь как можно лучше укрыть от глаз неожиданной посетительницы свои завитые головы.

Все еще смущенная, Даша постаралась однако подавить в себе нежелательное настроение и, призвав к себе все свое самообладание на помощь, произнесла твердым голосом:

– Я рада случаю, приведшему меня сюда, чтобы познакомиться с моими ученицами и воспитанницами. Дарья Васильевна Гурьева. Прошу любить и жаловать! – и она протянула руку по направлению одной из кроваток.

Маленькая, но сильная ручонка освободилась из под одеяла и слабо пожала её пальцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.